

«Пока судьба не привела нас на Моховую, 36»: неофициальный ежегодник издательства «Всемирная литература» как летопись петроградского литературного быта 20-х годов

«Наиболее крайней формой “ожизнения” литературы следует считать деятельность петроградского Дома искусств и издательства “Всемирная Литература” в годы революции и гражданской войны. Писание литературы превращается из частного и отдельного занятия в занятие почти публичное (писатели живут вместе) и бытовое» [Сегал 2006: 57]. Сопоставление горьковского издательства с культурным центром и институтом взаимопомощи для литераторов, присутствующее в этих строках, — не удивительно. Важно помнить, что «Всемирная литература» — это не только одно из первых советских предприятий, знаменитое издательство при Наркомпросе, в котором, по утопии Горького («Интернационал духа») и согласно просветительским замыслам нового режима, созрели наполеоновские планы подготовить к печати образцовые издания классиков мировой литературы. Действительно, «Всемирная литература» мыслилась самим Горьким не только как издательство, но и как точка средоточия лучших петроградских литературных сил, которые, объединившись, могли бы плодотворно разжигать «медленный огонь культуры».

В суровых условиях Гражданской войны, когда в Петрограде, по словам Евгения Замятина, виднелись только «бестрамвайные улицы, длинные вереницы людей с мешками» [Замятин 1999: 12], горьковское предприятие позволяло многочисленным дореволюционным культурным деятелям заниматься хотя бы переводной литературой и получать необходимую заработную плату за переводы, вступительные статьи и редактирование текстов еще до появления так называемых «академических пайков». Вскоре «Всемирная ли-

тература», подобно «Дому искусств» и «Дому литераторов», стала своего рода творческим объединением, чему способствовали и основание Литературной студии для формирования профессиональных переводчиков, и ряд публичных лекций, состоявшихся вскоре после основания издательства, и поэтические вечера. Некоторые сотрудники буквально жили в помещениях «Всемирной литературы» (сначала издательство находилось на Невском, 64, в бывшей конторе горьковской «Новой жизни», а потом переехало на Моховую, 36). Благо, это было возможно: в здании были и закупочный отдел, и буфет, в котором продавались «папиросы, мелкая галантерея и немудреные сладости той поры» [Рождественский 1974: 227].

Словом, крупный институт, вполне вписанный в деятельность Наркомпроса, был для его участников попросту «Всемиркой» или «Вселитом» (как сотрудники шутивно называли издательство), то есть кругом лиц, разделявших повседневный литературный и околотературный быт. В таком контексте, институциональность переплеталась с домашностью, работа над изданием чужих книг — со спорами о литературе и оригинальным творчеством. Взаимодействие этих планов нашло свое самое удачное отражение в «неофициальной» литературе, продолжающей традиции салонов и кружков. Она создавалась в самые разные моменты: во время заседания редколлегии или на вечеринке, где чокались бокалами чая без сахара; после семинаров Гумилева о стихотворных размерах или во время утомительной работы над новым номером журнала «Современный Запад», чтобы хоть ненадолго отвлечься от трудов.

Часто шуточные произведения, являющиеся плодом интеллектуальной игры, были лишь устной импровизацией, но нередко стихотворные и прозаические экспромты фиксировались на бумаге, в частности, в рукописных альбомах. Настоящий «синодик» этого жанра в XX в. — «Чукоккала» Корнея Чуковского, в которой весьма обширная часть посвящена быту издательства [Чукоккала 2006: 195–314]. Если говорить о «Всемирной литературе», то нужно

вспомнить и альбомы менее известных «технических» сотрудников издательства, таких, как любимая всеми секретарша Вера Сутугина, завхоз Давид Левин или буфетчица Роза Рура.¹ Авторы, писавшие в альбомы, обыгрывают стиль переведенных иностранных авторов, пишут анекдоты о Горьком (но бывает, что сам Горький пишет «анекдотики» о себе), шутят над незначительными недостатками своих коллег-поэтов, иронизируют над своим нерадостным положением и над сложившейся ситуацией в области советского книгоиздания и культурной политики вообще.

Кроме альбомов, можно упомянуть другое произведение, которое циркулировало в стенах издательства. Это написанная Замятиным «Краткая история Всемирной Литературы от основания и до нашего дня». В этой блестящей сатире пародируется то ли древний эпос, то ли «Повесть временных лет», торжественно воспеваются подвиги, совершенные в «царстве» «Всемирная литература» [см.: Замятин 2003: 526–540]². Судя по датам, указанным в конце каждой из ее трех частей, эта шуточная эпопея была написана в разные моменты, отражающие три фазы в истории издательства, точнее в декабре 1921, 1922 и 1924 гг.³ По всей вероятности, страницы Замятина раз-

---

¹ Эти альбомы, хранящиеся в РО ИРЛИ, недавно были опубликованы с простран- ным комментарием [см.: Кукушкина 2002, Климова 2009].

² Тут «Всемирная литература» изображена как огромная империя, обитатели которой — разноязычные племена. Шуточная «летопись» этого царства развивается с времен великого Августа Максима (это, конечно, Горький) до приезда с моря Пророка Божьего Ионы, живущего в ките (это, по каламбурной ассоциации, директор Госиздат Илья Ионов; сопряжение имен Ионов-Иона, впрочем, было общим местом в домашней литературе издательства).

³ В конце 1921 г. сильные изменения обусловлены, разумеется, и смертью Александра Блока и Николая Гумилева, и эмиграцией Горького, Зиновия Гржебина (основавшего свое издательство в Берлине), и ряда других сотрудников, и реформой издательского дела. В конце 1922 г. «Всемирная литература», руководимая Тихоновым, уже испытывает сильную конкуренцию иностранного отдела Госиздата и поддается острой критике в советской печати. Третья и последняя часть, напи-

давались участникам традиционных Рождественских и Новогодних вечеринок на Моховой, 36, являвшихся котлом домашней литературы издательства.⁴

Неизданный пример такого рода литературы, который я собираюсь рассмотреть, был тоже создан в этом контексте, и потому имеет одну общую черту с «Историей» Замятина: он был придуман накануне ликвидации издательства, когда, после конца Гражданской войны и введения НЭПа, советская культурная политика уже двигалась по рельсам централизации и цензуры. И, как в «Истории» Замятина, злоба дня становится предметом остроумной литературной деформации. Речь идет о машинописи, хранящейся в двух архивах: РО ИРЛИ, ф. 720 (В. Сутугина), ед. хр. 6; СПФ АРАН, ф. 1026 (И. Крачковский), оп. 1, ед. хр. 109. Она, как и вторая часть «Истории» Замятина, датирована 7 января 1923 г., т. е. датой Рождества по старому стилю, который, несмотря на воинствующий атеизм нового режима, дореволюционные литераторы отмечали в издательстве, сохраняя традиции «старого мира». Заголовок на первой странице гласит: «Ежегодник Всемирной Литературы. Издание неофициальное».⁵

санная незадолго до закрытия «Всемирной литературы», программно лаконична: «Слопали! По неграмотности. Е. Замятин, 16-ХІІ-1924» [Замятин 2003: 540].

⁴ Это подтверждается и тем, что разные части «Истории» Замятина хранятся в машинописном виде не только в архиве Тихонова в ИМЛИ, но и в архиве арабиста и долголетнего сотрудника издательства И. Ю. Крачковского [СПФ АРАН. Ф. 1026. Оп. 1. Ед. хр. 109].

⁵ Кроме ежегодника, в этой единице хранения есть и другое неофициальное произведение — одноактная пьеса в стихах «Рука Всевышнего издательство спасла», сатирический пласт которой уже заметен в заглавии: оно обыгрывает название драмы «Рука Всевышнего отечество спасла» Николая Кукольника. В центре пьесы — заседание членов редколлегии «Всемирной литературы» в разгар борьбы с Госиздатом. После пьесы разворачивается шуточный диалог-сплетня двух переводчиц, учениц Михаила Лозинского («Ольга Николаевна и Людмила Павловна»). Не исключено, что на вечеринках устраивались инсценировки этих текстов.

Это — коллективное произведение, не подписанное ни одним автором. «Ежегодник» построен как толстый журнал того времени и напоминает недолголетние печатные издания, независимые от государственной власти и возникшие на рубеже 10-х и 20-х гг. Здесь можно вспомнить «Вестник литературы», «Летопись дома литераторов», «Дом искусств», «Литературные записки» и так и не вышедшую «Литературную газету». Сюда же можно включить и уже упомянутый «Современный Запад»⁶, печатавшийся «Всемирной литературой». Итак, перед нами пародия не только на литературу как таковую, но и на типичное явление литературного быта — на литературную журналистику.

Как и в указанных периодических изданиях, в «Ежегоднике» выделяются разные отделы: статьи редакторов, письма редакции, литературная хроника Петрограда и из-за границы, фельетоны, стихи, а также, в самом конце сборника, реклама. Разумеется, все подается в сатирическом ключе. Рассмотрим, например, одно из этих рекламных объявлений:

В 4 УРОКА.

Выучиваю новейшим танцам и
идеалистической философии.

Спросить в Доме искусств, рядом с
Парикмахерской

[РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 12].

Это объявление — одна из многочисленных шуток над Акимом Волынским. Он был редактором итальянского отдела «Всемирной литературы», переводчиком Габриеле Д'Аннунцио, балетоманом и поклонником Талмуда и восточной философии в восприятии немецких идеалистов. Его эксцентричность и особенно его нудные,

---

⁶ С 1922 по 1925 г. вышло шесть номеров «Современного Запада»: журнал поставил себе целью ознакомить русского читателя с разными явлениями актуальной жизни Европы и Америки.

вычурные и длинноватые речи на заседаниях редколлегии сделали его главным героем быта издательства и служили поводом для постоянных карикатур, что отражено и в «Чукоккале», и в «Истории» Замятина. Некоторое время Волынский жил прямо в помещениях «Дома искусств» в бывшем дворце Елисеева.

В начале «Ежегодника» — настоящая декларация, которая служит самопрезентацией сотрудников издательства: ироничные четырехстопные ямбы «Вперед». Тут члены редколлегии как будто защищаются от обвинений в «эклектизме» и «паразитизме», в то время падавших на них со всех сторон, особенно от Госиздата. Вспомним, например, финал нелестной рецензии, появившейся в «Книге и революции»: «<организаторы “Всемирной Литературы”> должны помнить, что работают не на того читателя, которого в свое время обслуживал Пантелеев с его тремя сотнями томов иностранных романов» [Степанов 1920: 43]. Стоит обратить внимание и на выдержку из письма Ионова Горькому: «За последнее время “Всемирная Литература” не проявила никакой жизни. <...> Хочу также указать, что в составе коллегии “Всемирной Литературы” имеется значительное количество “мертвых душ”» [Архив Горького 1964: 71].

Описание деятельности издательства как раз в 1922–1923 гг. в строках ироничного стихотворения как будто шутливо опровергает господствующее мнение о «бесполезности» изданий «Всемирной литературы» во время послереволюционной идеологической и классовой борьбы и утверждает нужду России в знании иностранных литератур для того, чтобы «двигаться вперед»:

Европа нас водила за нос,
Нам было нечего прочесть,
Пока судьба не привела нас
На Моховую, 36.
С тех пор стою непреклонной
Россия движется вперед.
Что значит грамотный, снабженный

Статьей Браудо перевод!
<...> Закройщик фабрики «Победа»
Поднялся рано, до гудка:
Он любит Грацию Деледда
Читать при свете огонька. <...>
Винтовку смазав маслом гарным,
Уселся взводный на скамье;
Он наслаждается Верхарном
Леконт де Лилем и Готье <...>.
Трудящийся Вас. СИНЕКУРОВ
[РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 3–4].

Как мы видим, тут обыгрываются как раз просветительские цели издательства, сформулированные еще Горьким и близкие известной утопии Литературного отдела Наркомпроса, который выбрал своим лозунгом некрасовские строки: «Придет ли это времечко, // Когда мужик не Блюхера // И не милорда глупого, // Белинского и Гоголя // С базара понесет?». В связи с этим напомним о создании «Народной библиотеки», состоящей из брошюр, в которых читатели без высшего образования могли бы ознакомиться с выдающимися иностранными авторами и небольшими комментариями. Позже, когда издательство находилось под руководством Тихонова, была создана популярная серия «Новости иностранной литературы». Под ее маркой действительно были опубликованы и «Голем» Майринка, и итальянская писательница — лауреат Нобелевской премии Грация Деледда. Издания отличались высоким качеством, несмотря на идеологические предпосылки просвещения народа, лежащие в их основе. Впрочем, осуществить эти популяризаторские планы сотрудникам издательства не удалось: выпуск брошюр провалился. Высокое качество изданий «Всемирной литературы» обеспечивалось «грамотными переводами» (особенно стихотворными) и обоснованными вступительными статьями. В стихах «Вперед» обыгрывается способность германиста и музыковеда Евгения Браудо писать большое количество вступительных статей за очень короткое время.

Обратимся к «автору» стихов. Его фамилия (вполне в традиции сатирических очерков) разумеется, символична, хотя тут латинское правило “*nomen omen*” работает наоборот. Сотрудник издательства «Синекуров», который трудится в издательстве не покладая рук, получая за это крошечный гонорар, — полная противоположность «синекуры».

В «Ежегоднике», как и в «Современном Западе», значительное место занимает хроника текущих заграничных событий. Рассмотрим несколько примеров: «Стокгольм. Нобелевская премия по литературе за 1922 г. присуждена роману Жюль Ромэна “Доногоо Тонка” в переводе Поддячей, с предисловием Лернера, изд. “Всем. Лит.”» [РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 3]. Жюль Ромэн постоянно мелькает на страницах статей и переводов «Современного Запада». Конечно, в шуточной хронике налицо парадокс и гиперболизация: переводы, сделанные в издательстве, так хороши, что в итоге превосходят оригинал, заменяя его.

Следующие пометки «Хроники» обыгрывают структуру и эстетические приоритеты журнала «Современный Запад». Например, эта пометка о самом журнале звучит как предварительный анонс: «В следующем номере “Современного Запада” предположены к напечатанию, между прочим, следующие статьи и переводы: Е. М. Браудо “Экспрессионизм в 2-х летней корректуре”, К. И. Чуковский “Милые переводчицы” // опыт редактора; Е. М. Замятин “Тпрру” // новый роман Уэллса, в переводе и обработке; Н. О. Лернер “Абсентеизм и его последние течения”. В. А. Зоргенфрей “Похоронные настроения переводчика” / автоэтюд; А. Л. Волынский — Хорямбические асвефакции у Гете, Шиллера, Д’Аннунцию и др.» [РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 5]. Как мы видим, шутка касается разных членов редколлегии. Она относится и к работе, и к личным качествам и порокам коллег: как часто бывает в домашней литературе, эти детали совместной повседневной жизни и взаимоотношений известны

только кругу авторов-сотрудников, которые были в состоянии понять все намеки.

В «Ежегоднике» можно прочесть и о «городских происшествиях», среди которых бросается в глаза такое объявление: «Одураченные преступники. У возвращавшегося из Всемирной Литературы поэта М. Л. Лозинского вооруженные бандиты отняли на Невском проспекте перевод Леконт де Лиля» [РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 8]. «Гоголевская» основа этой выдумки, разумеется, налицо: переводы Леконт де Лиля и Эредия, разработанные группой молодых переводчиков под руководством Лозинского, были для Михаила Леонидовича как шинель для Акакия Акакевича. В «Чукоккале» он даже оставил такие строки в память о коллективном труде, которым он так гордился: «Я памятник воздвиг себе соборно-переводный...» [Чукоккала 206: 314]. Гордость переводами-«детищами» обыгрывается и в следующем «городском происшествии»: «Гнусное насилие. Пришедшему за колуном соседу по лестнице Андрею Беспомощному В. А. Зоргенфрей прочел целиком всю поэму «Сид», в своем переводе» [РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 8]. Действительно, сотрудники издательства прикладывали немало усилий для того, чтобы подготовить переводы к печати, и, естественно, увлекались переводимой литературой. Однако такой восторг, конечно, остро контрастирует с трагической повседневностью петербуржцев, которым, скорее всего, были интересны дрова и еда.

Говоря о переводах, нельзя не заметить, что большая часть шуток «Ежегодника» посвящена как раз теории художественного перевода и практике редактирования переводимых текстов, развитых в стенах «Всемирной литературы». Вот как звучит одна из пометок «Хроники»: «Кто редактировал переводы Жуковского? Под таким заглавием прочитал на днях К. И. Чуковский доклад в Общ<естве> Ревнителей переводной письменности. Как мог, спрашивает докладчик, справится с задачей поэт, даже даровитый, в то

время, как книга “Принципы художественного перевода” еще не вышла в свет, а редакторов — ни Е. М. Браудо, ни Н. О. Лернера, ни даже его, Чуковского, не было? При посредстве ряда остроумных соображений докладчик приходит к парадоксальному выводу, что В. А. Жуковский выпускал свои переводы не проредактированными [РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 4–5]. Напомним, что во «Всемирной литературе» была предпринята первая систематическая попытка превратить и перевод, и редактирование перевода в высококвалифицированную профессию со своими правилами. Так, переводчик становится «мастером», владеющим и языком, и техникой, которой можно научиться; специалисты-редакторы, сверив перевод с подлинником, предлагают свои правки и обсуждают их с переводчиком. Если вспомнить известные слова самого Жуковского о том, что переводчик стихов — это «соперник», а не «раб» переводимого автора, то становится ясно, что в XIX в. для поэтов иностранные тексты были часто поводом для сочинения собственных стихов в виде «вариаций над темой», часто без знания языка оригинала и без особого редактирования, что оказывалось немислимым во «Всемирной литературе». Более того, выдуманное «Общество ревнителей переводной письменности» — явная пародия на «Общество ревнителей русской словесности». Сейчас является необходимым кодифицировать язык художественного перевода так, как тогда постепенно кодифицировался русский литературный язык.

Вопрос издания переводов удачнее всего выражен в одном фельетоне «Ежегодника». Следует отметить, что по своей структуре, по описанию прошлой атмосферы (данной краткими штрихами) и по своей «фантазмагорической» поэтике он очень сильно напоминает очерки Георгия Иванова, ставшие известными как «беллетризованные мемуары». И там, и тут встречаются уже мертвые фигуры литературного Петербурга, а тон рассказчика-свидетеля — крайне ироничен.

Приведем текст фельетона:

ДОСТОЕВСКИЙ ВО «ВСЕМИРН<ОЙ> ЛИТЕР <АТУРЕ>»

/Из воспоминаний/.

Петербург. Вторник, 13-го Мая 1919 г. С утра небесные знамения: майский снежок, термометр на 0 и т. п. Приемный зал Всем. Литер. Народу — труба не протолченная. Бывшие сенаторы, уцелевшие генералы, старушки, от которых пахнет болонками, нюхательным табаком и ячменный кофе. Все просят переводов — /преимущественно с французского/; у кабинета Тихонова керосиновый хвост. Сквозь толпу метеорами пролетают Браун и Чуковский. На диване Гумилев ест гузинаки и сладострастно обсасывает пальцы. А. В. Ганзен громко и горячо доказывает кому-то преимущества селетки из инженерного кооператива перед воблой из общества Журналистов.

Евдокия Петровна Струкова <в то время — секретарша «Всемирной литературы», эмигрировавшая в 1921 г. — Ф. Л.> за своим столом, заваленным проектами решительных писем к неисправным редакторам и переводчикам. Перед нею небольшого роста господин; одет старомодно; борода с проседью, манеры скромные, тихо покашливает.

Евд. Петр. Вы ко мне?

Достоевский. /Ибо это был он, как выражаются дрянные беллетристы/. Так точно. Моя фамилия — Достоевский. Хотел бы справиться о моем переводе «Евгения Грандэ» Бальзака.

Евд. Петр. /Нисколько не смущаясь/. Ах, да, Достоевский... «Евгения Грандэ»... /Заученным голосом/ К сожалению, изд-во не может воспользоваться вашей работой.

Достоевский /С отчаянием/. Но почему же?

Евд. Петр. /Замороженным тоном/. Редакционная коллегия рассмотрела ваш перевод и нашла его несоответствующим нашим требованиям /заметно смягчаясь/. Впрочем, может быть Вы потолкуете с А. Я. Левинсоном, исправите Ваш перевод, а я поговорю с Александром Николаевичем. Можете приобрести у нас в конторе брошюру «Принципы художественного перевода», — вы еще недостаточно художник. Полезно будет вам также записаться в нашу Студию, походить на лекции Виктора Шкловского. Он вас почитит искусству прозы.

Достоевский. Какого Виктора?

Евд. Петр. Да Шкловского-же. Неужели не знаете?

Достоевский. /Удивленно/. Шклов-ско-го?! /Берет свою «Евгению Грандэ» и, махнувши рукою, в обратный пускается путь. На улице / Извозчик, на Волко-го */

[...]

ЗАШТАТНЫЙ ФЕЛЬЕТОНИСТ

* Редакция держится преобладающего в широких литературных кругах мнения, что Достоевский похоронен не на Волковом кладбище, а в Александро-Невской Лавре. Считаясь, однако, с тем, что настоящая статья принадлежит перу одного из виднейших историков и знатоков литературы, редакция не решается вводить исправлений.

Возможно, впрочем, что, по мысли автора, Достоевский едет жаловаться Белинскому или Добролюбову [РО ИРЛИ. Ф. 720. Ед. хр. 6: 6–7].

В первую очередь надо отметить, что в статье Федора Батюшкова во втором издании «Принципов художественного перевода» (1920), было написано, что «Достоевский был не менее “талантлив”, чем Тургенев, но переводы Тургенева лучше, потому что он был в высшей степени образованным человеком, хорошо знал европейскую культуру на Западе: самостоятельный облик Флобера был ему яснее, чем Бальзака для Достоевского» [Батюшков 1920: 17]. Итак, в рамках новой концепции художественного перевода, требующей и знаний историко-культурного характера (чему способствовала подготовка вступительных статей и комментариев), Достоевский мог бы считаться талантливым переводчиком, но тем не менее нуждающимся в специальном образовании в Студии, где проходили занятия и иностранных языков, и истории зарубежной литературы и культуры.

Кроме того, неслучайно подзаголовок фельетона гласит «Из воспоминаний». Первый его абзац действительно напоминает остроумные картины «Китайских теней» и «Петербургских зим». В центре разных ивановских очерков (которые, напомним, писались уже начиная с 1924 г.) находятся эпизоды из первых послеоктябрьских лет: из жизни «Привала комедиантов», «Дома искусств» и самой «Всемирной литературы». Следует отметить, что в начале 1923 г. первые годы существования горьковского издательства, когда дискуссии между Блоком и Гумилевым еще имели место в его стенах, уже стали своего рода мифом.

В тот переходный период, пожалуй, создание новой, многогранной культуры с непосредственным участием дореволюционных интеллектуалов казалось еще возможным. Сейчас, ввиду смерти или эмиграции многочисленных выдающихся личностей, введения НЭПа, реформы издательского дела и все растущей монополии Госиздата, очень многое изменилось. Строгая культурная политика советского режима становится все четче, а если говорить об издании иностранной литературы, то в течение 20-х гг. все чаще начинает переводиться некачественная иностранная беллетристика — такая тенденция, впрочем, была уже заметна в рамках вышеупомянутой серии «Новости иностранной литературы».

Ровно два года спустя «Всемирная литература» была закрыта (январь 1925), Александр Тихонов был уволен, несмотря на ходатайства и жалобы всех членов редколлегии, а издательский портфель перешел к Госиздату. Случилось то, над чем сотрудники издательства не раз шутили. В части «Чукоккалы», где речь идет как раз о давлении со стороны Госиздата, романист Александр Смирнов очень кстати процитировал двустишие Лермонтова: «Все это было бы смешно // если бы не было так грустно» [Чукоккала 2006: 302]⁷. Как раз трагикомические контрасты происходящего в стране и издательстве и сюрреалистичное положение петроградских литераторов, являются источником юмора страниц «Ежегодника», представляющих собой, при всей своей пародийности, настоящую летопись «Всемирной литературы» и части петроградской литературной жизни вообще.

---

⁷ Как известно, в 1840 г. Лермонтов записал полушутливый-полусерьезный стихок, кончающийся этими строками, как раз в рукописном альбоме однофамилицы Смирнова, т. е. хозяйки литературного салона Александры Осиповны Смирновой-Россет.

СОКРАЩЕНИЯ

Архив Горького 1964 — Архив Горького. Т. 10: Максим Горький и советская печать. М., 1964.

Батюшков 1920 — *Батюшков Ф. Д.* Задачи художественных переводов // Принципы художественного перевода. Пб., 1920.

Замятин 1999 — *Замятин Е.* Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999.

Замятин 2003 — *Замятин Е.* Собрание сочинений: В 5 т. Т. 2. М., 2003.

Иванов 1994 — *Иванов Г.* Собрание сочинений: В 3 т. Т. 3. Мемуары. Литературная критика. М., 1994.

Климова 2009 — *Климова Д. М.* Альбом Д. С. Левина как элемент литературного быта Петрограда в первые годы советской власти // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 2005–2006 гг. СПб., 2009. С. 756–796.

Кукушкина 2002 — *Кукушкина Т. А.* Из литературного быта Петербурга начала 1920-х годов (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 341–402.

Наппельбаум 1999 — *Наппельбаум И.* Угол отражения. Краткие встречи долгой жизни. СПб., 1999.

Рождественский 1974 — *Рождественский В.* Страницы жизни: Из литературных воспоминаний. М., 1974.

Сегал 2006 — *Сегал Д.* Литература как охранная грамота. М., 2006.

Степанов 1920 — *Степанов И.* Рецензия на «Легенду об Уленшпигеле и Ламме Гуздаке» Ш. Де Костера // Книга и революция. 1920. № 6. С. 43–45.

Чукоккала 1999 — *Чукоккала.* Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 1999.

Чукоккала 2006 — Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006.

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы Российской Академии наук.

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал архива Российской Академии наук.